

Мария Милюкова

**ТРЕБУЕТСЯ БАБА ЯГА.
КНИГА 1**

УДК 82-312.9
ББК 84-445
М60

Милюкова М.
М60 Требуется баба Яга. Книга 1 / Мария Милюкова – М.: Литнет, 2026. – 352 с.

ISBN 978-5-524-00572-4

Каждая кикимора знает: получила распределение у Лешего, вырыла нору под берёзкой, живи и радуйся, но никогда не путайся под ногами у стража Серого леса! Интересно, а что сам страж думает о нас, кикиморах? Ладно, не о всех кикиморах, об одной. Но очень очаровательной!

Перед вами первый гримуар находчивой и неугомонной кикиморы, в который она подробно записывала всё: заговоры (и их побочные действия на нечисть), продвижение по службе в звании Бабы Яги и даже историю своей первой и единственной любви.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436 - ФЗ.

ISBN 978-5-524-00572-4

© Литнет, 2026
© М. Милюкова, 2026

Глава 1

{Двенадцать дней до полнолуния.}

Я – кикимора. Не по внешности, конечно, хотя и это правда, а по рождению. А чтобы жизнь не казалась медом, я еще и неправильная кикимора. Мой род делится на две ветки: домашние и болотные. И те и другие владеют одинаковыми колдовскими способностями и выглядят в истинном облике согласно проживанию.

Например, моя болотная сестра Каркамыра – настоящая красавица: миниатюрная, росточком с полевую ромашку, сухонькая, как загнившее деревце. Узкая длинная морда позволяет доставать пропитание из коры, а ручки до того крючковатые и длинные, что она спокойно просовывает их в трухлявые пни в поисках гусениц и жуков. Каркамыра – лучшая плакальщица на болоте. Она так искусно имитирует крики людей, что утопила на своем веку не один десяток грибников. Замуж болотные кикиморы выходят только за водяных или тинников, тут уж как повезет. Каркамыре повезло: у нее было два мужа.

Моя вторая сестра – домашняя. И тоже красавица. Она замужем за домовым. Я иногда прихожу к ним в гости на чашечку чая. У Кракамыры узкие глаза и длинные волосы, а серая кожа сливается с бревенчатым срубом избы без помощи колдовства.

А вот мне не повезло. Я была уродливой. Во-первых, я была слишком высокой, почти с шестилетнего человеческого ребенка. Во-вторых, мой нос не вытянулся, пальцы не сморщились, а ноги совсем не похожи на куриные. Ко всему прочему, у меня завиваются волосы, и непослушные пряди постоянно падают на лицо.

При рождении я никуда не попала по распределению проживания. От сырости и затхлой воды болот у меня трескается кожа, а от соседства с людьми – покрывается волдырями.

Поэтому я живу в лесу. Одна.

Сказать по правде, не сильно это и огорчает. Животные жалеют и общаются охотнее, чем с моими сестрами. Люди если и замечают среди деревьев, то принимают за юродивую человеческую калеку и тоже не трогают.

Я давно уже свыклась с мыслью, что у меня не будет дома, мужа и предназначения. Заманивать людей в болота я могла, но не хотела. А смысл? Я же там не жила. Да и мороки было с утопленниками много.

Ломать, рвать вещи и строить козни – легко, только, опять же, зачем? Найдут и накажут, а то и изгонят. Мне это надо?

Во всех отношениях, я была неправильная кикимора. И это меня устраивало.

Я вырыла себе нору под корнями старой березы, растущей у воды. Это заняло не один день и даже не два десятка. Но мои усилия того стоили – я построила себе дом!

Место для жилища выбирала тщательно. Небольшой ручей брал начало в реке Серебрянке и терялся в березовой роще. Крупных хищников здесь не водилось: ручей был слишком мал для водопоя, а земля – слишком открытой для строительства логова или берлоги. Моими соседями были лишь птицы, зайцы и мыши – идеально для кикиморы.

Я закончила высадку цветов и с трудом разогнула спину, любуясь результатом. Ровный рядок ромашек украшал дерево по кругу. Маскировать вход в нору было делом кропотливым, но приятным. Щелчком пальцев отправила немного живительной силы на корни рассады. Стебли тут же откликнулись на ворожбу: выпрямились, расправили листочки, бутончики благодарно развернули белоснежные лепестки. Надо будет не забывать подпитывать корни: для ромашек тут недостаточно света и земля влажновата.

Позаимствованные у сестры лопатки и ведро отправились в нору. На днях верну, а то обидится, потом до самых морозов ничего не допросишься.

Громовой раскат разнесся по лесу, да так, что вздрогнули березы. Несколько листов упало на землю к моим ногам, вода в ручье пошла рябью. Это еще что такое? Гроза? Нет, на небе ни тучки. Камнепад? До гор далеко. Колдун пришлый волшбу затеял? Страж Серого леса такого не допустит.

Любопытство пересилило. Я перепрыгнула ручеек, приняла заячью личину и изо всех сил припустила на звук. Петлять между деревьев долго не пришлось. Прискакала к реке, даже не сбив дыхание.

Я постригла ушами и принялась. От берега исходил такой мерзкий запах чужеродной волшбы, что заслезились глаза. Черная от копоти воронка зияла в паре шагов от реки, и вода уже понемногу просачивалась внутрь, смешивалась с глиной и землей. На самом краю ямы дымился пень – все, что осталось от раскидистой ивы.

Я сменила личину на собачью и шумно втянула воздух. Кроме рыбы и тины учуяла запах шерсти. Может, волк мимо пробежал? В любом случае надо уходить. Страж может нагряться в любой момент, и попадаться ему на глаза у меня не было ни малейшего желания.

Я повернулась и нос к носу столкнулась с огромным псом. Он был выше меня в холке пятей на пять. Пронзительные черные глаза смотрели из-под кустистых бровей злобно и недоверчиво.

– Ты кто? – Собака обнажила ряд острых клыков и шире расставила передние лапы. Мощная челюсть опустилась, прикрывая горло. Чудовище явно готовилось к бою. Со мной.

– Заяц. – С перепуга соврала я и даже глазом не моргнула. Первый приступ паники прошел, но меня еще изрядно потряхивало. Переднюю лапу вовсе свело судорогой.

– С Зараз, что ли будешь? – Пасть прикрылась, но настороженный взгляд никуда не делся.

Я обиженно засопела, вспоминая человеческое селение на востоке:

– Почему сразу с Зараз?

– Кличка глупая – «Заяц». Что ты тут делаешь?

– Бахнуло.

Страх вернулся. Вот зачем я сюда прискакала? Не мое это дело, какая разница, что тут произошло. Любопытство меня погубит.

– Мужика видела светлого?– Не отставала псина, подозрительно меня обнюхивая. Мой хвост сам собой опустился к земле, а задние лапы подкосились – ужас накатывал неконтролируемыми волнами.

– В смысле, колдуна?– С ужасом пролепетала я.

– В смысле, шерсть на голове светлая и длинная и борода есть. Маленькая.

– Нет.

– Что – нет?

– Никого я не видела. Ни колдуна, ни шерстяного мужика.

Пасть захлопнулась с громким клацаньем, а взгляд черных глаз переместился с меня на воронку.

Я воспользовалась заминкой собаки, развернулась и понеслась к норе, даже не смея обернуться и посмотреть, гонится ли за мной это страшное чудище.

– Точно, с Зараз, – донеслось мне вслед сочувственное ворчание.

Нора встретила меня частоколом из ромашек и журчащим ручейком. Вот зачем я посадила эти цветы? Еще бы нарисовала карту к дому, крестиком березу отметила и с поклоном Стражу вручила. Или Лешему. От них обоих ничего хорошего ждать не приходилось.

По закону, я должна была явиться под их светлые очи, раскладываться и просить позволения остаться в лесу на постоянное проживание. Затем дожидаться выделенного места, построить там нору и жить, выполняя повеления, скрытые под просьбы, такие, как: расчистка своей земли от сухостоя, пробой лунок в Серебрянке по зиме, подкормка зверья и птиц в лютые морозы, отвод людей от нор зверей, доклад Стражу и Лешему о ворье и охотниках. Шалить

и проказничать разрешалось, но не приветствовалось.

Проблема была в том, что раз я бросила человеческое жилье и пришла в лес, то выделяют мне нору в Глухомани. А быть болотной кикиморой я никак не могла. Как и вернуться к людям. Оттого и скрывалась под березой от глаз Стража и Лешего.

Надо бы уже определиться – прячусь я или обживаюсь!

И пес этот странный какой-то: пахнет то собакой, то волком. А в глаза смотришь – словно разум чужой, не животный, в них светится. Сестры говорят, будто у Стража Серого леса в подручных ходит Огненный пес. Может, это был он?

Я скинула личину и спустилась к ручью на трясущихся ногах. Серебристая вода показала отражение: нос недостаточно длинный, мордочка вытянулась не до конца. Ноги тоже не уродились: были хоть и при четырех пальцах, но больше напоминали человеческие, чем куриные. Да и кожа подкачала – не было бледности или оттенков зелени или синевы. Скорее, цвет речного песка. Глаза большие, круглые, а не узкие, как у моих сестер, и кудри эти, эх! Не удивительно, что от меня шарахались все женихи. Даже подслеповатый водяной Нижнего озера отозвал сватов.

Я провела по ручейку рукой, смывая отражение. Зачерпнула в ладошки воды, хотела умыться, но не успела. Передо мной появилась собака – огромное чудовище с огненной шерстью, клыкастой пастью и пронзительными черными, умными глазами.

– Звери-человеки! – Я так удивилась, что даже не успела толком испугаться.

Эта тварь определенно меня преследовала. А я, глупая, привела ее напрямик к своей норе.

– Здравия тебе, кикимора, – молвил пес, нагибая башку к ручью.

Впалые бока ходили ходуном, пока зверь утолял жажду. Его короткий подшерсток отливал медью, а длинные остевые волоски светились, словно собака горела заживо в огне Нави. С мощных когтистых лап прямо в воду стекали грязные черные ручейки. Эта

пси́на успела где-то измазаться. И сейчас пачкает мой ручей. Потом доберется до ромашек, проберется в нору, все там порушит, а меня выгонит взащей.

Вот и пришла расплата: заняла березу без согласия стража, не выполняю прямые обязанности нежити, не помогаю лесу, да еще была замечена на месте недавнего грохота и колдовской воронки.

Точно, прогонит! Хорошо, если просто даст пинок под зад, а может и изгнать в Навь!

– Домашняя, болотная? – спросила пси́на и подняла на меня глаза, разглядывая из-под бровей.

– Лесная. – Отвечать быстрее, чем думать, было моим личным наказанием. Собака моргнула от удивления:

– А такие бывают?

– Как видишь. – Я поборола желание обернуться зайцем и ускакать, куда глаза глядят.

– Мужика светлого не видела?

Вот тут я задумалась: либо пси́на была остолопом, либо не догадывалась, что мы недавно виделись. При этом ко мне – кикиморе, она отнеслась вполне нейтрально, а ко мне – собаке, настороженно и враждебно.

– Нет, – я отрицательно покачала головой для пущей достоверности. – А кто он?

– Побратим, – собака ответила таким тоном, будто это все объясняло. – Побегу.

Я не стала его убеждать в обратном. Кивнула. И только когда огненный хвост исчез среди берез, выдохнула и поплелась в нору. Думать.

Следующие два дня отвлекли от мыслей о неожиданном госте. Пес не вернулся выгонять меня из леса, и я решила, что останусь в облюбованной норе. Грохот больше не повторялся, да и новых сплетен среди нежити не было.

Обе мои сестры жили в разных сторонах леса, и, немного подумав, я решила навестить обеих.

На ранней зорьке вышла из норы, прихватив с собой хорошо перевязанную котомку: ведро верну, а заодно и лесными дарами сестру побалую. До окраины леса добралась к обедне. Спасительная тень деревьев закончилась, и я приняла личину человеческой старухи, дабы не пугать людей.

С котомкой и собака, и заяц смотрелись бы крайне глупо и подозрительно. Можно было бы принять личину свиньи, но тогда риск не дойти до дома возрастал в разы. Меня могли украсть или, и того хлеще, забить на сало. Ни утка, ни мышь поклажу даже с места не сдвинут, а молодая девица привлекала бы ненужные взгляды краснощеких хлопцев. Более я никаких личин в запасе не имела.

Поле ржи, раскинувшееся сразу за лесом, прошла сама. Потом меня подвез в телеге человеческий дед. Он был слепым. Иначе я ничем не могла объяснить его подмигивания и щербатую улыбку. А судя по тому, как он пел, бодро подпрыгивая на ухабах в крепкой телеге, — ещё и глухим.

Флегматичная лошадь, видимо, уже привыкла к репертуару хозяина и мерно переставляла копыта. Пару раз я даже ловила на себе ее сочувственные взгляды. Животные моментально распознавали личины, их глаза колдовством было не обмануть. Так что лошадка, с ходу разглядев во мне нежить, с любопытством наблюдала за красноречивыми знаками внимания деда. Кикиморы опасности для животных не представляли, и деревенский тяжеловоз вполне смиренно тащил телегу, оскверненную моим присутствием. Не волкодлак за спиной маячит, и ладно.

Люди жили к востоку от леса, сразу за ржаным полем. Довольно крупное даже по человеческим меркам селение было обнесено прочным частоколом. Ворота держали открытыми и день и ночь — набегов татей или войн не случалось уже давно. Подгнившие заостренные колья частокола мужики меняли больше по привычке, опасаясь устрашающего «авось, нагрянет басурманин».

В давние времена наш лес носил другое название — Зараза. Что

на языке людей означало «древний и темный». С тех пор много воды утекло: лес стал Серым, а вот селение так и осталось Заразами.

В четырех верстах севернее от того места пролегал Большой тракт. Купцы останавливались на пути к Царьграду, умельцы обосновывались на плодородных землях. Так в Заразах появился трактир, а в нем и комнаты для сна.

Примыкающую к реке часть частокола пришлось разобрать и перенести на другой берег. Так селение условно разделилось на две части: Верхние и Нижние Заразы.

Купцов и скоморохов принимали Нижние, так как их ворота выходили на Большой тракт. Там же стоял трактир и торговые лавки. Ворота Верхних смотрели на Серый лес.

Так и жили заразцы – хлебопашцы и скотоводы, травники и бабки-шептухи, мельники и кузнецы: работали, веселились, страшились нежити и ее же не забывали благодарить. Загрызли волки корову – волкодлак виноват: убить кровопийцу. Не уродилась рожь – Полевик проказничает: вызвать колдуна и изгнать нечисть. Разбился горшок в руках неуклюжей бабы – кикимора постаралась: поджигайте багульник. А как в лесу грибы да ягоды пошли – Лешему на пенечке гостинцы оставляют: кренделя да сахарные петушки. Изба морозы простояла, не треснула – домовому молочка на блюдецке.

Странные были эти люди. Двуликие, как волкодлаки.

Я вздохнула и покосилась на деда – горланит так, что в Царьграде слышно. Как только проехали ворота Верхних Зараз, я сползла с телеги и, откланявшись, поплелась дальше.